

Stormbringer

Зарубка на клинке

Фантастический рассказ

Рассказывают, что всякий меч должен быть закалён в крови – иначе он будет непригоден для боя. Есть оружейники, которые действительно погружают меч в кровь новорожденных ягнят.

Но не всякий меч – только оружие, и не всякий кузнец верит слухам. Есть мечи, которые способны на большее, чем помогать людям убивать.

Есть люди, которые способны на большее, чем использовать мечи для убийства.

Есть Братья-по-Стали. Но самое страшное, что может встретиться в жизни – это человек-убийца, в руках которого Брат-по-Стали. Меч, закалённый в крови...

Мы выступили в полдень. Людей было двенадцать, нас – четверо. Вихрь, длинный прямой меч, лёгкая тонкая шпага по имени Плясунья, изогнутый фальчион, которого прозвали Пересмешником. И я, двуручный меч Шторм.

Восемь Братьев-по-Стали – это немалая сила, а тут ещё восьмеро людей, которых мы вроде бы как конвоировали. Одного из них я когда-то встречал. Его звали Ноэл Метатель, и он был предводителем нашего отряда. Вихрь рассказывал, что Ноэл, по слухам, способен попасть ножом птице в глаз с тысячи шагов – явное преувеличение, но не такое уж большое. Ноэл действительно виртуозно владеет своим оружием. Обычным оружием, увы – Ноэл так и не примкнул к Братьям, утверждая, что предпочитает сражаться в одиночку... Что ж, это его выбор.

Зачем и куда мы едем, нас почему-то не известили. О цели похода было известно только Ноэлу, и то с него потребовали обещания хранить тайну. Впрочем, Ноэл был известен не только мастерским обращением с ножом, но и обыкновением плевать на все и всяческие обещания, которые казались ему неэтичными. Поскольку Метатель честно хранил молчание, мой Брат сделал вывод о том, что ничего особо интересного нам не предстоит. В этом смысле он и высказался.

Он был, надо полагать, весьма привлекательным юношей – высокий, широкий в плечах, улыбчивый, быстрый в движениях, – мой Брат-по-Стали...

Мы с ним были мало похожи. Я был довольно-таки замкнутым мечом, у которого, по словам Пересмешника, чувства юмора не было и в помине. Если у Идрина, моего Брата, были друзья в каждом переулке, то я за всю свою жизнь сблизился только с Вихрем и Плясуньей.

И, разумеется, с самим Идрином.

Мы ехали уже несколько часов. Пересмешник, по своему обыкновению, говорил Плясунье двусмысленные комплименты, за что Вихрь обещал начистить чересчур остроумному фальчиону все части тела. За беседой их Братьев я не следил.

Мне не нравилась эта поездка. Не нравилась компания Пересмешника. Не нравилось, что Ноэл обещал хранить в тайне цель этой самой поездки.

У меня было нехорошее предчувствие. И это мне особенно не нравилось.

– О чём задумался, Брат? – спросил Идрин.

– Что-то должно случиться. Что-то плохое, – честно ответил я. – Будь начеку – мой тебе совет...

– Буду, – Идрин неожиданно посерьёзnel. – Я уже хотел было махнуть рукой на свои ощущения, раз все остальные спокойны... но ты ведь тоже чувствуешь напряжение?

– Очень точное слово. Как будто пружина напряглась... и вот-вот распрямится.

Ласкающим движением Идрин коснулся моей рукояти.

– Предупреждён – значит, вооружён. Так ведь?

– Хорошо бы, – прошептал я. – Хорошо бы так, Брат.

Они появились внезапно. Только что вокруг всё было спокойно – и вдруг воздух наполнился шумом драконьих крыльев. Пересмешник осёкся на полуслове, его Брат нервно положил руку на рукоять.

Драконы окружили нас. Их было не меньше десятка.

– Приветствую вас, Крылатые, – произнёс Ноэл, глядя на чёрную драконессу, казавшуюся главной. Она холодно посмотрела на него.

– Куда вы едете?

– Увы, – Метатель с сожалением развёл руками, – не могу сказать. С меня взяли клятву не рассказывать этого даже членам отряда – до момента прибытия. Но могу заверить вас, что...

– Не можешь.

Что с её голосом? Совершенно безжизненное звучание. Как будто скала заговорила.

– Зачем вам мечи?

– Для защиты, разумеется, – ответил Ноэл. – В горах в последнее время беспокойно.

Потом он вспомнил про нас и добавил:

– Кроме того, четверо – Братья-по-Стали...

– Братья, значит? Вот как вы их назвали... какие прекрасные, высокие слова... – драконесса задумчиво смотрела на нас. – Это с намёком на рождение в крови и муках, надо полагать?

Пружина, сжатая до предела, начала распрямляться...

– В принципе, можно и так сказать, – начал было Метатель.

– Этого вполне достаточно. Харрист...

Ноэл и вправду был великолепным бойцом. Он успел выхватить из нарукавных ножен пару кинжалов и метнуть их, прежде чем его выбили из седла. Драконесса успела увернуться от одного, но второй рассёк левое крыло. Руки Идрины легли на мою рукоять, и я вылетел из-за его плеча, врубаясь в безнадежную схватку, успев заметить знакомый блеск Вихря и Плясуньи...

Потом была резня. Братья-по-Стали отчаянно защищались, но силы были неравны. Вихрь успел войти по рукоять в грудь одного из врагов, пробив естественную броню и пронзив сердце, но в ту же секунду могучий алый дракон снёс его Брату голову ударом когтей. Плясунью я потерял из вида в первые же секунды – изящная шпага совершенно не годилась для такого боя...

Пересмешник мелькал в руках своего Брата, гибкого сероглазого юноши, парируя удары когтей, уклоняясь от опасных хвостов, пытаясь отвлечь драконов от почти беззащитных перед могучими созданиями людей. Впрочем, он не преуспел...

Идрин стоял один, бешено оскалившись, и я ткал вокруг него свистящую паутину острой стали, но наших сил не хватало, может быть, с одним драконом мы бы справились, возможно, даже с двумя, но их было слишком много, и я закричал от боли и бессилия, когда наконец один из драконов прорвался через мою защиту, разорвав горло Идрины...

Драконы не праздновали победу. Казалось, у них вообще не осталось эмоций. Один из них – тот самый алый, который убил Брата-по-Стали Вихря – собрал всех, кто остался в живых.

Шпага по имени Плясунья. Прямой меч Вихрь. Фальчион Пересмешник. И я, Шторм... нас нетрудно было отличить от обычного оружия. Брат-по-Стали отличается от обычного меча, как... как Брат-по-Стали – от обычного человека.

Нас легко узнать в толпе, мы намного быстрее, сильнее, выносливее, и нас так же легко можно убить, будь мы из плоти или из металла...

– Это они, Сайра. Все четыре здесь.

Драконесса окидывает нас безразличным взглядом, в котором на секунду вспыхивает искра ненависти.

– Уничтожь.

Почему?! Мы же встретились впервые! Между нами не может быть такой вражды...

Может. И покрытая чешуёй рука медленно смыкается на Плясунье, когтистые пальцы сжимаются...

– Нет! Нееееет!

Это не Плясунья. Это я.

Они не слышат. Да и какая разница, ведь Плясунья бессильно падает на камни – уже не Плясунья, просто два куска металла странной формы – и красночешуйный дракон берётся за рукоять Вихря, поднимает меч и со страшной силой обрушивает на скалу.

Плашмя.

Что-то во мне умирает – умирает уже давно, с той секунды, когда драконы окружили нас, и каждый миг лишь раздувает ужас агонии, каждая смерть становится частью меня, и я сам обращаюсь в малую смерть, ведущую к полному уничтожению, – чьи это слова? Чьи?! Я никогда не пользовался такими оборотами, – впрочем, мне никогда не доводилось видеть смерть друзей...

На мгновение мой взгляд впился в янтарно-жёлтые глаза алого дракона.

А в глазах дракона – тоска.

А в глазах дракона – память...

Меч, легко пронзающий детскую неокрепшую чешую. Меч, который рождается через смерть другого новорожденного. Кровь мешает видеть, не даёт думать, кровь заливает всё, и в ней тонут чувства и эмоции, обращая живой разум в пепел, живое тело – в машину для убийства...

Меч не может, не должен рождаться так! Впитав кровь при рождении – он же будет безумен, как...

Да. Как обезумевший от потери дракон. Именно так. Вот зачем они убивали – так.

Не всем людям нужны Братя-по-Стали. Некоторым нужнее рабы-гладиаторы, рабы-берсерки, впадающие в боевое безумие в руках хозяина.

Я чувствовал, что сам вот-вот сойду с ума. Мой разум наполняли смешанные образы.

Меч в руках человека.

Раб в руках хозяина.

Безумие мечей. Безумие драконов.

Безумный меч в руках безумца, покрытых чешуёй...

А ведь рано или поздно они додумаются, если ещё не успели. И дракон возьмёт в руки родившийся в крови меч. Сродство безумного клинка и безумного дракона едва ли не ближе Братства-по-Стали.

Что-то во мне догорало.

Я заметил движение в стороне от драконов. Один из людей был ещё жив! Он всё ещё боролся с собственным телом, которое стремилось к покою. Для него бой продолжался.

Окровавленная рука поднялась к груди. Тускло блеснул метательный нож, который прямо-таки предназначен для того, чтобы вонзиться в драконий глаз по рукоять. Неправда, будто безумие не заразительно! Кто-то догадался отковать безумный меч – и появилась драконесса с мёртвым голосом. Кто-то решил добиться справедливости через кровь – и умирающий человек тратит последние силы, чтобы убить слишком решительного правдоискателя.

Я не стал смотреть в глаза Ноэла Метателя. Я знал, что я увижу в них.

Дракон поднял изогнутого Пересмешника. На секунду мне показалось – или не показалось?! – что я вижу расплывчатую чёрную фигуру, застывшую между умирающим человеком и давным-давно убитым драконом.

Смерть медлила, выбирая. Меч – или дракон? Какая жертва предпочтительнее?

Рука человека сжала рукоять ножа и замахнулась.

Дракон положил вторую руку на клинок. Могучие мышцы напряглись...

Я метнулся вверх, самовольно, как не могут ни обычные мечи, ни Братья-по-Стали. Я больше не был ни тем, ни другим – я стал чем-то новым, пугающим и притягательным одновременно, чем-то, что способно на отчаянный молниеносный рывок вверх и вперёд... К дракону.

С лязгом и шипением клинок Ноэла ударился об меня и, отскочив, безвредно вонзился в землю.

– Хватит смертей, – говорю я. И они понимают.

Я чувствую, что во мне что-то меняется, и вместе с тем меняются и они. Наверное, это – моя судьба. Понадобилась смерть моих друзей, смерть моего Брата-по-Стали, смерть людей и драконов, чтобы во мне пробудилась Сила. И я даю ей волю.

Неважно, что говорить. Важно то, чего просто так не заметишь...

– Мечь порождает лишь мечь, – говорю я. – Убивая, никто не добьётся справедливости. Ни вы, – мой взгляд снова встречается со взглядом алого убийцы, – ни вы, – глаза человека лихорадочно блестят, но в них уже нет того кровавого безумия. Как нет его в драконьих глазах.

Что-то во мне перегорело. Как, впрочем, и в них.

– Шторм, – шепчет Пересмешник из опущенной драконьей руки, – ты... как ты...

Дракон осторожно опускает его на землю и идёт к Ноэлу.

– Выживет? – спрашивает драконесса.

– Если успеем – да, – отвечает алый.

Я медленно опускаюсь на скалу.

Я лежу на скале, той самой, об которую сломался Вихрь. Солнце давно зашло, но для меня это уже ничего не значит. Даже при свете мой клинок уже не блестел.

И у людей, и у драконов есть свои предания о Чёрных Мечах. Жутковатые предания, по правде говоря. И по большей части соответствующие истине.

Харрист и Ноэл были здесь на закате. На поясе у Метателя висел меч по имени Пересмешник. Ноэл морщился от боли при каждом движении, но драконы сказали, что это скоро пройдёт.

Мы говорили о безумных мечах и обезумевших драконах, о Братстве-по-Стали и людях, которые творили себе рабов через кровавое рождение. О многом тогда было сказано.

Но никто так и не заговорил о Чёрном Мече.

И только в самом конце беседы покрытая алой чешуёй рука Харриста коснулась моего потемневшего клинка, на котором сегодня появилась свежая зазубрина от ножа Ноэла...

– Спасибо, – тихо сказал дракон.

– Спасибо, – сказал Ноэл Метатель.

– Спасибо, Шторм, – сказал Пересмешник, который до этого отмалчивался. Не до шуток было весёлому фальчиону.

Я не ответил. В этом не было необходимости. Они тоже понимали это, все трое.

Я лежу на скале. До рассвета ещё немало времени. А потом у меня будет много времени до следующего рассвета, и до следующего, и так до тех пор, пока я не придумаю себе дело.

В принципе, я уже не нуждаюсь в Брате-по-Стали. Чёрный Меч бьётся сам по себе, за ту цель, которую он сам выбирает для себя.

Проблема в том, что у меня нет цели. Я уже выполнил всё, что мог и что должен был – дракон и человек объединились в жизни, а не в смерти.

А мне остаётся лежать на скале, размышляя о собственной уникальности. Мне не страшны ни вода, ни пламя, ни люди, ни драконы. И я, пока лежу и размышляю, тоже никому не страшен.

Что ещё нужно Чёрному Мечу от жизни?

Конец